

Стариченок В.Д. (Минск)

Вторичные адъективные номинации в русском и белорусском языках: от сферы-донора к сфере-реципиенту

Различные подходы к механизму образования вторичных номинаций сводятся к замещению слова (концепта) другим словом (концептом, вторичным опытом), взаимодействию двух смыслов, к семантическому смещению с наложением образно-эмотивной семы, соотношению фокуса (признака, перенесенного на новое наименование) и рамки (признака новых денотатов, включенных в процесс метафоризации), к сравнению, сопоставлению нового предмета с уже известным и выделению при этом общих их свойств и др. В современных исследованиях справедливо отмечается, что механизм образования вторичных ЛСВ сводится к соотношению двух основных источников:

а) исходная понятийная сфера (исходное значение, источник мотивации, понятийная сфера-источник, сфера-донор, область домена источника, буквальная рамка);

б) результативная понятийная сфера (результативное значение, новая концептуальная область, ментальная сфера-реципиент, результат метафорической экспансии, область домена цели, метафорический фокус).

В статье на материале номинаций физических качеств и характеристик предметов, веществ, явлений природы, а также *физических свойств и состояний человека рассматриваются вторичные ЛСВ ментального содержания*. [Ментальность](#) как специфика мировоззрения людей и их психического склада выступает в виде иерархии воззрений, представлений о мире, способов мышления, идей, оценок, вкусов, культурных канонов, которые транслируются из поколения в поколение. В корпус слов, репрезентирующих семантическое поле «ментальность», включаются те адъективы, в которых эксплицитно присутствуют семантические компоненты ментальности. Вторичные адъективные номинации, образованные от первичных нементальных ЛСВ, используются для описания более сложных, абстрагированных элементов интеллекта, мышления и сознания человека [3, с. 37]. Как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, абстрактные понятия ассоциируются с «конкретными осязаемыми предметами, поскольку это единственный способ, имеющийся у нас в распоряжении, для того, чтобы унифицировать мир идей и мир вещей» [2, с. 94]. Реальная практическая деятельность человека, таким образом, отражается в сознании и закрепляется в языке, преобразуясь во внутреннюю отраженную модель мира [1, с. 34] и формируя единую иерархически организованную систему, где более простые метафорические концепты служат основанием для образования более сложных концептуальных структур.

Тематическая принадлежность первичных ЛСВ влияет на характер проецирования ментальных сфер, те или иные сценарии образования вторичных ЛСВ, на закономерности семантического переноса из конкретно-чувственной и практической сфер в когнитивную область ментальности.

При вхождении в сферу ментальной деятельности адъективы получают новую семантическую наполненность и закрепляются за разными сторонами ментального поля. Наиболее употребительными и регулярно воспроизводимыми в этой группе являются прилагательные *острый* (бел. *востры*) и *тупой* (бел. *тупы*), составляющие антонимическую пару и выражающие противоположные значения (см. таблицу):

<p>‘очень сильный, отчетливо ощущаемый’ (<i>острое желание, острая радость</i>; бел. <i>вострыя пачуцці, вострая цікавасць</i>);</p> <p>‘быстро схватывающий, пронизательный, пронзительный’ (<i>острый ум, острый взгляд</i>; бел. <i>востры позірк</i>);</p> <p>‘остроумный, язвительный’ (<i>острая шутка</i>; бел. <i>вострае слова</i>);</p> <p>‘крайне напряженный; критический’ (<i>острая игра, острое положение, острый момент</i>; бел. <i>вострая сітуацыя, вострае становішча, востры дыялог</i>).</p>	<p>‘умственно ограниченный, плохо, соображающий’ (<i>тупой человек</i>; бел. <i>тупы і абмежаваны чалавек</i>);</p> <p>‘недостаточно развитый, восприимчивый (об уме, органах чувств)’ (<i>тупой ум, тупые чувства</i>; бел. <i>тупы розум</i>);</p> <p>‘свидетельствующий об умственной ограниченности’ (<i>тупое самодовольство, тупое высокомерие</i>; бел. <i>тупыя жарты</i>);</p> <p>‘с притупленным восприятием окружающего, равнодушный, безразличный (о состоянии человека)’ (<i>тупая улыбка</i>; бел. <i>тупы позірк тупы страх</i>).</p>
--	--

Вторичные ЛСВ у адъективов *колкий* (бел. *колкі*), *колючий* (бел. *калючы*) развиваются по модели «обладающий способностью колоть → язвительный, насмешливый, злой» (*колючие вопросы, колючая оценка, колкие замечания, колкие насмешки*; бел. *калючае слова, калючы позірк, колкія і пякучыя словы*). Такая же направленность смыслового развития наблюдается у полисеманта *ядовитый* (бел. *ядавіты*), в реципиентой зоне которого фиксируется ЛСВ ‘злобный, язвительный’ (*ядовитый язык, ядовитый старичок, ядовитая улыбка*; бел. *ядавітая іронія, ядавіты позірк*).

В качестве когнитивных источников метафоризации могут выступать адъективы, содержащие в исходном значении сему ‘атмосферные явления’ (*пасмурный, сумрачный, туманный*). Их вторичные номинации выражают угрюмость, мрачность человека (*пасмурный вид, пасмурное настроение, сумрачные мысли, сумрачный взгляд, туманное лицо*; бел. *пахмурны настрой, пахмурная дзяўчына, хмурныя заплаканыя вочы*), непонятность, неопределенность (*туманный намек, туманная фраза, туманные мечты, туманный взор*; бел. *туманныя разважання, туманнае паняцце, туманны позірк, туманныя вочы*).

Характер ориентации вторичных ЛСВ прилагательных *золотой* (бел. *залаты*), *железный* (бел. *жалезны*), *стальной* (бел. *сталны*), *каменный* (бел. *каменны*), *свинцовый* (бел. *свінцовы*), *оловянный* (бел. *алавяны*) обусловлен

первичными значениями, в структуре которых содержатся следующие качественные семы:

‘драгоценность’, ‘благородность’, ‘достоинство’: *золотой* ‘замечательный по своим достоинствам, прекрасный’ (*золотой характер, золотое сердце*; бел. *залатыя словы, залаты чалавек*), ‘счастливый, радостный, благоприятный (как правило со значением отрезков времени)’ (*золотое время, золотые дни*; бел. *залаты час, залатое дзяцінства*);

‘твердость, выносливость, крепость’: *железный* ‘непоколебимый, неприклонный, не знающий отклонений, отступлений’ (*железная воля, железная дисциплина, железный характер*; бел. *жалезны характар, жалезная воля*), ‘сильный, крепкий’ (*железная хватка, железная логика*; бел. *жалезная логіка*); *стальной* ‘стойкий, непоколебимый, непреклонный’ (*стальная воля, стальные нервы*; бел. *сталая кагорта, стальныя нервы*), ‘жесткий, холодный, недружелюбный (о взгляде)’ (*стальной взгляд*); *каменный* ‘непоколебимый, стойкий, твердый’ (*каменное спокойствие, каменная вера*; бел. *каменная ўпартасць*), ‘равнодушный, бесчувственный, жестокий’ (*каменное сердце*; бел. *каменная сэрца*);

‘тяжесть, не совсем приятный синевато-серый цвет’: *свинцовый* ‘мрачный, гнетущий (о взгляде, неприятном ощущении)’ (*свинцовый взгляд, свинцовая тоска*; бел. *свінцовыя думкі, свінцовае маўчанне*);

‘тусклость, серебристо-белый цвет’: *оловянный* ‘тусклый, ничего не выражающий (о глазах, взгляде)’ (*оловянные глаза*).

У прилагательных *огненный, огневой, пламенный* (бел. *агнявы, агністы, агнёвы, палымяны*) ассоциативные связи обусловлены синкретическим сочетанием признаков горения огня (его высокой температуры) и большой степени накала. Поэтому в структуре слов выделяются ЛСВ ‘пылкий, горячий, страстный’ (*огненный поцелуй, огненный взгляд, огневой взор, пламенный взгляд*; бел. *агнявы пацалунак, агністая душа, агністыя вочы, палымянае сэрца*), ‘исполненный страсти, подъема, воодушевления’ (*огненное слово, огненная речь, огневые статьи, пламенные стихи*; бел. *агнявое слова, агністая прамова, палымянае выступленне*).

В номинациях физических свойств и состояний человека ядерными являются прилагательные *здоровый и нездоровый (больной)*, у которых вторичные ЛСВ развиваются в направлении ‘правильный, разумный, рассудительный’ (*здоровое начало, здоровая критика, здоровая мысль*; бел. *здаровая крытыка, здаровы розум, здаровая ідэя*), ‘неестественный, ненормальный’ (*больное воображение, больная любовь, нездоровое настроение*; бел. *хворае ўяўленне, нездаровыя настроі, нездаровая крытыка*).

В эту же группу включаются вторичные ЛСВ адъектива *трезвый* (бел. *цвярозы*) ‘рассудительный, здавомыслящий, чуждый мечтательности, фантазерства’ (*трезвый взгляд на вещи, трезвый ум, трезвая логика*; бел. *цвярозыя думкі, цвярозы рэаліст*).

Распространенной считается модель «имеющий нарушения в организме человека → ментально ограниченный». В эту группу включаются адъективы, первичные ЛСВ которых указывают на дефекты зрения, а также отклонения в строении отдельных частей человека (ушей, лба, кожи и др.).

У прилагательных *глухой* и *глухі* переносные ЛСВ ориентированы на выражение сферы человеческих отношений: равнодушия, неотзывчивости (*глухой к добру*; бел. *глухі да навакольных падзей*), смутности, неопределенности, скрытости (*глухое недовольство, глухая взаимная неприязнь, глухое раздражение, глухое волнение*; бел. *глухія нараканні на лёс, глухое хваляванне*).

Вторичные ЛСВ прилагательного *слепой* (бел. *сляпы*) развиваются по модели «лишенный зрения, способности видеть → не способный по незнанию, по невежеству понять окружающее» (*слепые темные люди*; бел. *сляпыя неразумныя хлопцы*), ‘безрассудный, не отдающий себе отчета в своих действиях’ (*слепое повинование, слепое подражание, слепой азарт*; бел. *сляпая любоў, сляпая злосць, сляпая рэўнасць*).

Ментальные ЛСВ развиваются по аналогичным моделям у прилагательных *близорукий, лопухий, мягкотелый, толстокожий, зубастый*:

близорукий (бел. *блізарукі*) ‘плохо видящий на далекое расстояние → непроницательный, недалновидный’ (*близорукий и недалновидный ученый*; бел. *блізарукая палітыка*);

лопухий (бел. *лапавухі*) ‘имеющий большие оттопыренные уши → недалекий по уму, простоватый’ (*лопухий и недалёкий мужчина*; бел. *лапавухі сусед ні ў чым не разбіраецца*);

мягкотелый (бел. *мяккацелы*) ‘с мягким, полным телом → легко поддающийся чужому влиянию; бесхарактерный’ (*безразличный и мягкотелый человек; мяккацелы і падатлівы чалавек*);

толстокожий (бел. *таўстаскуры*) ‘с толстой кожей или кожей → неделикатный, неотзывчивый, не способный почувствовать’ (*этому толстокожему всё равно*; бел. *таўстаскуры эгаіст*);

зубастый ‘с крепкими, острыми, большими зубам → дерзкий, острый на язык’ (*этот зубастый парень на любое слово найдет ответ*; бел. *да гэтага зубастага хлопца з пытаньнямі лепш не падыходзіць*).

По предсказуемой и распространенной модели «болеющий, страдающий психическим, душевным расстройством → ментально ограниченный, глупый» развиваются вторичные ЛСВ у полисемантов *бешеный, безумный, сумасшедший, шальной*:

бешеный (бел. *шалёны*) ‘исступлённый, неистовый, буйный’ (*бешеная злоба, бешеный взгляд, бешеная радость*; бел. *шалёны карыцёжнік, шалёны*

характер, шалёны гнеў, шалёны пацалунак), ‘чрезмерный по силе проявления’ (*бешеная сила*);

безумный, сумасшедший (бел. *вар’яцкі*) ‘утративший способность здраво рассуждать, поступающий необдуманно, безрассудно; лишенный здравого смысла’ (*сумасшедший характер, сумасшедшие планы, безумное намерение, безумные надежды*; бел. *вар’яцкія ідэі, вар’яцкі характар*), ‘чрезвычайный, исключительный по величине, силе, степени проявления’ (*сумасшедшая сила, безумная тревога, безумный страх*; бел. *вар’яцкая злосць*);

шалевой (бел. *ашалелы*) ‘отличающийся сумасбродством, взбалмошностью; безрассудный’ (*шалевая мальчишеская мысль, парень шалевой и благой, шалевая жизнь*; бел. *ашалелы позірк, ашалелыя вочы*).

Таким образом, номинации физических качеств и характеристик предметов, веществ, явлений природы, а также физических свойств и состояний человека являются основным источником образования ментальных ЛСВ и характеристики различных аспектов мыслительной деятельности человека и его внутреннего состояния. Это свидетельствует о тесной связи рационально-мыслительной и конкретно-чувственной информации, репрезентирующейся в адъективных структурах русского и белорусского языков. Несмотря на незначительные различия в конкретной реализации вторичных ЛСВ в сравниваемых языках, пути развития различных сфер ментальности во многом совпадают, поскольку они отражают общечеловеческую логику познания окружающей действительности.

Литература

1. Алифференко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алифференко. – М. : Academia, 2002. – 280 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 175 с.
3. Дебердеева, Е.Е. Концептуальная метафора как средство раскрытия механизмов понимания в русской и английской лингвокультурах / Е.Е. Дебердеева // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2010. – Вып. XX – С. 36–40.